

МЕЛИССА
АЛБЕРТ

МЕЛИССА
АЛБЕРТ

ОСКОЛКИ
НАШИХ СЕРДЕЦ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31 (73)
ББК 84(7Coe)-44
А 45

Melissa Albert
OUR CROOKED HEARTS

*Публикуется с разрешения автора
и литературных агентств The Book Group
и Prava I Prevodi International Literary Agency.*

*Иллюстрация Александры Буториной
Дизайн обложки Василия Половцева*

Алберт, Мелисса.

А45   Осколки наших сердец: [роман] / Мелисса Алберт; пер. с англ. Ю. Змеевой. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 352 с. — (Мелисса Алберт. Хиты молодежной прозы).

ISBN 978-5-17-147656-4

Лето шестнадцатилетней Айви начинается своеобразно — страшные подношения на пороге ее дома, обрывки детских воспоминаний, подозрения... И кажется, ее мать Дана — не та, кем Айви считала ее. Много лет назад у шестнадцатилетней Даны начался головокружительный роман с магией. Но она слишком поздно поняла, что страшные силы, с которыми она играет, тоже играют с ней. Волшебный мир пришел забрать свое.

**УДК 821.111-31 (73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-147656-4

© 2022 by Melissa Albert
© Ю. Змеева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Моей замечательной матери,
умеющей любить без оглядки
и не ставшей прототипом матери
из этой книги.*

---

*Если я однажды напишу
о тебе книгу, ты будешь самой
благородной героиней.*

Ночные кошмары — дело рук ведьм.

Элизабет Уиллис, «Ведьма»

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пригород

Сейчас

Мы едем слишком быстро. И слишком близко к деревьям, задевая фарами растущие вдоль дороги сорняки. Сорняки шелестят и остаются позади.

— Нейт. — Я вцепилась в пассажирское сиденье. — *Нейт!*

Еще пятнадцать минут назад мы танцевали на вечеринке в честь окончания учебного года, скакали, положив руки друг другу на плечи, а я думала: *надо с ним порвать*. Потом он взял мое лицо в ладони и сказал, что любит меня, а я так опешила, что в ответ не смогла даже соврать.

Я вышла за ним из дома, прошла по лужайке и села в машину, продолжая повторять бесполезные слова, которые люди обычно говорят, когда ранили что-то эго — а тот, кого ранили, думает, что это не эго, а сердце. Нейт резко дал задний ход, ударил машину о бордюр, но я поняла, что он пьян, лишь когда мы проехали целый квартал.

На светофоре он стал возиться с телефоном. Секунды напряженно тикали. Я даже думала выпрыгнуть из машины. Потом он дал газу. Из динамиков лилась старая песня «Ясные глаза»*, и ветер уносил обрывки фраз. Мы свернули на однополосную дорогу,

---

* Песня Арта Гарфанкела. Здесь и далее примечания переводчика.

петляющую по заповеднику. Впереди смыкались деревья, мои волосы пушились и развевались на ветру. Я закрыла глаза.

Потом Нейт удивленно выкрикнул что-то нечленораздельное и резко выкрутил руль вправо. На миг мы оказались в невесомости, как на американских горках. Машину занесло, потом мы остановились. Меня качнуло вперед, и я сильно ударилась губами о приборную панель.

Я провела языком по зубам и почувствовала вкус крови.

— Какого черта, Нейт?

Нейт выключил зажигание, тяжело задышал, выгнул шею и посмотрел куда-то мимо меня.

— Ты это видела?

— Что?

Он открыл дверь.

— Я выхожу.

Машина остановилась на узкой обочине между дорогой и лесом.

— Здесь? Ты серьезно?

— Хочешь — оставайся, — бросил он и хлопнул дверью.

В подстаканнике стоял стаканчик из забегаловки с растаявшим льдом на дне. Я прополоскала рот, свесила ноги из машины и сплюнула кровь на траву. Пахло сырой землей, губу саднило.

— Эй, ты куда? — крикнула я.

Нейт скрылся за деревьями.

— Кажется, она пошла туда.

— Она? Кто «она»?

— Ты что, не видела? Она стояла посреди дороги. — Он замолчал. — Голая.

Я ахнула, представив, что должно было произойти, чтобы голая женщина оказалась одна в лесу в три часа ночи. Я пошла за Нейтом. Высокая жесткая трава царапала лодыжки.

— Ты ее узнал? Она была ранена?

— Тихо, — сказал он. — Смотри.

Мы стояли на возвышении у ручья, бегущего меж деревьев. Он наполнялся после дождей и мог обмельчать, а мог стать достаточно глубоким, чтобы плавать на каяках. Сейчас глубина была средней, примерно по пояс. Ручей бурлил под ущербной луной. Я угадала его глубину, потому что увидела девушку, за которой мы шли. Она стояла в ручье на коленях, и вода доходила ей до лопаток.

Она и впрямь была голая. Длинные, разделенные прямым пробором волосы колыхались в воде. Я не видела ее лица, но кожа у нее была бледная и почти светилась. Как будто она упала со звезды на землю или вышла из трещины в скале. Ни обуви на берегу, ни мобильного телефона или брошенной рубашки. Как сон наяву.

Ее руки скользили по телу, но без намека на чувственность: она щипала и похлопывала себя по бокам, словно пытаясь вернуть коже чувствительность. И издавала утробные звуки. Даже не знаю, как их описать. Плач, наверное.

Я почти забыла про Нейта, но он толкнул меня локтем под ребра и улыбнулся коротко и зло. Включил фонарик на телефоне и выставил руку, словно держа в ней горящий факел.

Голова девушки резко дернулась, и я увидела, что она примерно нашего возраста, может, чуть старше; зрачки расширены, а губы... Губы искривлены в улыбке. Она не плакала. Она смеялась.

Нейт хотел подчеркнуть ее уязвимость, но я знала, что на самом деле он хотел уязвить меня. Светить фонариком на девушку было подло, а ему сейчас хотелось быть подлым и злым. Я могла уйти, но представила себя на месте этой девушки и поняла, что она испугалась бы одинокого парня — то ли дело парень и девушка. И вдруг ей нужна помощь? Я уже готова

была спросить, нужно ли ей помочь, когда она заговорила.

— Выходите. — Ее голос был низким, певучим. Она говорила со странным акцентом. Следующие слова прозвучали почти как песня: — Кем бы вы ни были — покажитесь, не прячьтесь.

Она поднялась из ручья, как лесная Венера. Грязная речная вода текла по волосам и телу. Между ног у нее темнели целые заросли, как у хиппи семидесятых, и в них сверкали капли. Вдруг она засвистела, пронзительно и громко.

— Покажитесь, черти! Я к вам обращаюсь.

Она была голая, одна и не могла нас видеть, но испугались почему-то мы. Нейт тоже почувствовал перемену в равновесии сил и задрожал.

— Ну ее к черту, — процедил он.

Девушка вышла на берег. Высокая, худая, длинные русалочьи волосы шторкой занавешивали лицо. Но меня поразило, как она держалась; казалось, ее совсем не смущало, что она обнажена, словно она была птицей или ребенком.

Внезапно и резко она подняла руки и растопырила пальцы, как дирижер перед оркестром. Мы вздрогнули, приготовились; казалось, что-то должно было произойти. Когда ничего не случилось, Нейт нервно рассмеялся.

Она упала на четвереньки. Неотрывно глядя на нас, принялась шарить руками по земле, пока не нащупала палку, толстую и длинную. Подняла ее и встала. Нейт чертыхнулся, сунул телефон в карман, и девушка замерла, хотя уже двинулась в нашу сторону. Фонарик погас, теперь она нас видела.

— Айви, пойдем, — пробормотал Нейт.

— Айви.

Девушка повторила мое имя. В ее устах оно прозвучало холодно, тяжеловесно. Я прищурилась: вдруг я ее знаю?

— Ты чего застыла? Пошли! — Нейт так сильно дернул меня за руку, что плечо заболело. И ушел, чертыхаясь на ветки, хлеставшие его по лицу, и колдобины под ногами.

На мне была майка и застиранная кофта из секонд-хенда, тонкая, почти прозрачная. Я сняла ее и бросила девушке, а потом последовала за Нейтом.

— Спасибо, Айви, — сказала она, когда я была уже далеко.

Я вышла на дорогу; Нейт уже сидел в машине и нетерпеливо барабанил по рулю.

— Садись! — скомандовал он.

Испуганная, растерянная, я послушалась. Он повернул ключ в зажигании. Загромыхала музыка, и мы одновременно потянулись к выключателю, а потом отдернули руки, словно прикосновение могло обжечь.

Я заговорила, лишь когда мы выехали из чащи.

— Эта девушка... Слышал, как она произнесла мое имя?

Он пожал плечами.

— Думаешь, она меня знает? — не унималась я. Вряд ли я смогла бы забыть девушку с такой характерной внешностью и кожей цвета высосанного до-суха лимона.

— Почему я знаю, — угрюмо огрызнулся Нейт.

Я повернула зеркало, осмотрела губу и тихо выругалась. Губа распухла, как половинка абрикоса.

Остаток пути мы проехали в вязкой тишине. Когда Нейт остановился в конце дороги, ведущей к моему дому, я потянулась к пассажирской дверце. Она оказалась заперта.

Я резко обернулась к нему.

— В чем дело?

Он включил свет и ахнул.

— Ого, как сильно ты ударилась. Слушай, прости. Ты нормально себя чувствуешь?

— Отлично. Выпусти меня.

— Хорошо, но... — Он судорожно сглотнул. — Что скажешь маме?

Я вытаращилась на него. Сигарета за ухом, длинные ресницы — при виде этих ресниц женщины маминого возраста улыбались и говорили: *надо было тебе девочкой родиться, с такими-то глазками*. Я беспомощно рассмеялась.

Он напрягся.

— Что смешного?

— Ты. Ты что, боишься мою маму?

— И что такого? — выпалил он. — Ты тоже ее боишься.

Я вспыхнула и отвернулась. Разблокировала дверь, но он опять ее заблокировал.

— Нейт! Выпусти меня. Сейчас же.

В окно с его стороны забарабанили кулаком.

Нейт подскочил; глаза расширились от страха. Он, верно, думал, что это мама. Но стучал мой сосед, Билли Пэкстон.

Я взгляделась в его лицо. Он жил напротив, но мы никогда толком не разговаривали. Особенно после одного неприятного случая в начале старших классов, вспоминая о котором, я до сих пор немела от стыда и хотела провалиться сквозь землю. Билли тоже был сегодня на вечеринке, но я весь вечер притворялась, что не замечаю его.

Нейт опустил окно и коснулся уха проверить, не выпала ли сигарета.

— Что надо, чувак?

Билли проигнорировал вопрос.

— Айви, ты в порядке?

Я потянулась к водительскому окну.

— Да. Все хорошо.

Билли зажал рукой рот. Его предплечье было испачкано белой краской.

— Это он с тобой сделал?

— Шутишь, что ли? — проревел Нейт.

Мне вдруг показалось, что я сейчас заплачу. От боли, сказала я себе. И от испуга – адреналин выветрился, вот и слезы на глазах.

– Нет, нет. Это машина... резко повернула. Со мной все хорошо.

Билли пристально смотрел на меня. Он был высокого роста, и ему пришлось согнуться почти пополам, чтобы заглянуть в машину.

– Я здесь, если что. – Он показал на крыльцо. – На всякий случай.

– Спасибо за помощь, – саркастически процедил Нейт, но не раньше, чем Билли отошел.

Я резко открыла дверь, с треском захлопнула ее и обернулась.

– Между нами все кончено, – выпалила я.

– Да что ты говоришь, – ответил Нейт и втопил педаль газа.

Я осталась на тротуаре. Губа болела, от усталости меня трясло, но я чувствовала себя легкой, как перышко, и ощущала эйфорию свободы.

Билли кашлянул. Он ждал на крыльце в напряженной позе и по-прежнему смотрел на меня. Я смущенно помахала ему.

– Извини, – сказала я.

– За что?

Он так тихо это произнес, будто я и не должна была слышать. И я уже хотела не отвечать, но боль в губе – пронизывающая, назойливая – заставила меня повернуться.

– Извини, что ты решил, будто должен вмешаться. – Мои слова прозвучали резче, чем я хотела.

Билли сверлил меня взглядом. Потом встал и покачал головой.

– Больше не буду, – сказал он и скрылся в доме.

Я посмотрела на темные окна второго этажа. Через минуту в одном из них загорелся свет, и я отвернулась. В животе плескалась дешевая водка, а на серд-